

с чистой душой и налегке». Не откроется ли оно новым поколениям свободного и деятельного люда?

Виктор Малухин.

НИНА ГОРЛАНОВА. Радуга каждый день. Рассказы. Пермь. Книжное издательство. 1987. 175 стр.

Аннотация и предисловие к этому сборнику обещают, что речь пойдет о воспитании детей, а герои «рассказов — дети, родители, учителя». Свежая тема, вздохнет читатель. Поэтому уточним: речь пойдет не о воспитании детей, а о жизни людей в их раннем возрасте. О жизни трудной и остросюжетной в том смысле, что каждый предложенный жизнью сюжет нов и переживается в юном возрасте с изначальной остротой и серьезностью.

Умело воссозданный строй чувств и мыслей юных персонажей книги Нины Горлановой заставляет читателя ощутить, осознать подлинную меру драматизма заурядных, казалось бы, на взгляд взрослого, ситуаций. Скажем, такой, как в рассказе «Жанна д'Арк из шестого „в"». Собаколовы все-таки обманули и собак и школьников, вышедших рано утром спасать бродячих животных: они разожгли костры, бросили в огонь кости и перестреляли собак, доверчиво сбежавшихся на запах жареного мяса. Вначале дети присутствуют, по сути, при расстреле, а потом при пламенной дискуссии взрослых на тему, надо ли было ввязываться и вообще участвовать в судьбах бездомных собак, гигиенично ли. Однако у взрослых здесь нет шанса выиграть спор у детей.

Нина Горланова хорошо знает, что ребенку проще рассказать, что было, чем что он чувствовал при этом. Она и рассказывает («Мешок водворяется обратно», «Преобразование Наташи из обезьяны в человека») — лаконично, только самую суть. Но при этом ей удается вызвать у читателя ощущение некоего значительного пространства бытия — и заполнить его уже состоявшимися, развивающимися характерами и судьбами.

А вся вторая часть книги — «Рассказывайте, дядя Митя!» — это судьбы выросших детей — взрослых; и хотя прямой фабульной связи между рассказами первой и второй части нет, книга тем не ме-

нее воспринимается цельно, как одна повесть. Вторая часть — это уже не только другие герои, но и другие выразительные средства; здесь, скажем, возможны тропы, здесь много описаний чувств. Вот взрослый рассказывает детям об убийстве, совершенном им в детстве: «Одна горихвостка полетела с елки. Она летела, и в хвосте у нее вспыхивали красные перышки, из-за которых она и получила имя горихвостки. Тут я выстрелил галькой из рогатки. В летящую. Словно помимо сознания выстрелил. Галька летит, а я уже пожалел о том, что сделал. Я дернулся, чтобы схватить гальку обратно, остановить. Но в этот миг почувствовал звук удара. Тупой звук... Что-то распахнулось во мне: принял волну горячей боли от птицы. Она падала медленно-медленно, а я медленно горел на этом огне ее боли. Она упала — я ощутил сотрясение воздуха...» Эта «рапидная съемка» невозможна в первой части, где луч зрения автора сообразно с психологией маленьких героев Горлановой направлен преимущественно на то, что было, но отнюдь не как. Герои же второй части книги вместе с возрастом наделяются еще и способностью к рефлексии самоанализу.

У прозы Нины Горлановой есть своя интонация, причем столь характерная, что воспринимается неким структурообразующим элементом книги. Потому так трудно вырвать из ее текста какой-нибудь «удачный кусок». Вот первая фраза: «Девочка росла послушной и здоровой, но душа ее пустовала» («Девочка росла»). Дыхание взято — и закончится оно только за последней точкой. И сразу начинается следующее, новое дыхание, другой рассказ — «Что же в ней было?»: «Приехал Виталик, толстый, лысеющий, — не узнать...» — в доверительной манере, так сказать, словно вчера расстались. И так до конца, интонация нигде не рвется, что особенно удивляет в той изобразительной манере, которую выбрала писательница, условно я бы назвала ее «рассказ-диафильм». Повествование в эпизодах.

Однако самое, на мой взгляд, ценное, что есть в содержании этой книги, — отношение автора к героям своим. А именно: Нина Горланова не «любит детей», для нее невозможна эта сентиментальная постановка вопроса в принципе — любить детей. Она людей любит — значит, и маленьких и больших.

Елена Черникова.